
Сергей Кибальник

ДОСТОЕВСКИЙ И ТЕККЕРЕЙ

(О претекстах романа «Игрок») ¹

Среди литературных источников романа Достоевского «Игрок» (1866) давно уже был назван «и русский перевод очерка Теккерея “The Kicklebury on the Rhine” (“Кикильбюри на Рейне”) (1850), который под названием “Английские туристы” появился в той же книжке “Отечественных записок” (1851, № 6, отд. VIII, стр. 106—144), что и комедия брата писателя Михаила Михайловича Достоевского “Старшая и меньшая”» (сообщено В.А. Тунимановым). — (5; 401). В комментарии к академическому изданию «Полного собрания сочинений» Достоевского о нем также сказано: «Помимо заглавия очерка переводчик (А. Бутаков) переделал и наименование, данное Теккереем вымышленному немецкому курортному городку с игорным домом, Rougetnoirebourg (т.е. город красного и черного) на Рулетенбург. Именно так назван город и в “Игроке”». Была отмечена и «некоторая аналогия между авантюристкой Бланш и “принцессой де Магадор” (madame la Princesse de Magador) в очерке Теккерея, оказавшейся французской модисткой», а также то, что «и у Достоевского (см. стр. 264—265) и у Теккерея (см.: ОЗ, 1851, № 6, отд. VIII, стр. 128) крупье во время игры произносят одни и те же французские фразы, а англичане в обоих произведениях живут в отеле “Четырех времен года”» (5; 401).

Между тем внимательное знакомство с очерком Теккерея не оставляет сомнений в том, что связь его с романом «Игрок» этим не ограничивается и что он представляет собой один из важнейших его претекстов. Отнюдь не только Бланш, но и целый ряд других образов романа отчасти восходят к героям этого очерка.

1

Прежде всего сама сюжетно-образная структура романа Достоевского — это в какой-то степени слегка трансформированная сюжетно-образная структура очерка Теккерея. Повествование в нем, как и у Достоевского, ведется от лица одного из героев — мистера Титмарша. Впрочем, герой этот имеет гораздо более непосредственное отношение к автору: Теккерей, как отмечено в примечании переводчика, «подписывает статьи свои именем Титмарша»². Вместе со многими другими английскими туристами (прежде всего это леди Кикльбюри с двумя ее дочерьми Фанни и Лавинией, а также с мужем последней Горэсом Милликеном) «мистер Титмарш» (с. 106) плывет, а затем едет по железной дороге в Рулетенбург, где уже находится сын леди Кикльбюри Томас. Роман Достоевского также начинается с того, что Алексей Иванович присоединяется к семейству генерала в Рулетенбурге после «двухнедельной отлучки» (5; 208), а затем по железной дороге туда приезжает со своими слугами «бабушка».

Леди Кикльбюри, намеревающаяся «отвлечь своего сына, если возможно, от опасных товарищей и опасных развлечений» («несчастный мальчик курит, играет на бильярде и пристрастился к скачкам; миледи опасается, что он **уже попромотался** и боится, **не пристрастился ли он и к игре** в Рулеттенбурге» — с. 119), вначале клянется ни за что не играть, а в финале очерка, как и Антонида Васильевна Тарасевичева, проигрывает немалую сумму.

Дочь леди Кикльбюри Фанни с самого начала вызывает у Титмарша нежные чувства: «Ба, да это та самая хорошенькая мисс, с которою я имел на вечере мистрис Перкинс такой восхитительный разговор, прерванный приглашением на польку капитана Гикса! <...> Так это мисс Фанни Кикльбюри!» (с. 111). С самого начала Титмаршем владеет чувство ревности по отношению к Гиксу, хотя и (в отличие от чувств, которые испытывает Алексей Иванович к Де-Грие) не сопряженное с ненавистью к нему: «Я почувствовал в груди болезненное ощущение. <...> Болезненное ощущение — которое я постарался скрыть оскалением зубов и любезным поклоном мисс Фанни — прострелило меня насквозь, когда я подумал: нечего секретничать о Гиксе. Он танцевал с нею, он ужинал подле нее, и он здесь, на пароходе. Где же этот драгун? Ищу его взорами. А вот, в отдаленном уголке, из которого, однако, он может видеть

все семейство Кикльбюри: он жрет свой завтрак, этот дюжий, долговязый франт!» (с. 111—112), «Мисс Фанни перешла к правому борту судна, и мне померещилось, как будто подле нее был какой-то джентльмен...» (с. 116).

Фанни то и дело встречается с Гиксом, и Титмарш заставляет себя думать, что, несмотря на это, оснований для того, чтобы беспокоиться, немного. Так, после как будто бы случайной встречи Фанни с Гиксом на колокольне Антверпенского собора «леди Кикльбюри пристально посмотрела на Фанни, а Фанни не поднимала глаз». Однако Титмарш, тем не менее, высказывает уверенность, что «между нею и бедным Гиксом не может быть ничего серьезного — она столько раз смеялась над ним и передразнивала его во время перехода!» (с. 119). Наконец, когда уже в Рулетенбурге он случайно встречает Фанни с Гиксом в отдаленной части города, она признается в том, что у нее с ним роман, и просит Титмарша: «Вы... не скажете об этом мама?» (с. 136—137).

Разумеется, Титмарш не учитель, однако в очерке Теккеря неоднократно упоминается о различных гувернерах, наставниках и учителях: «...как разорительны музыкальные **учители** мисс Фанни...» (с. 120), «Это говорит юный потомок и наследник древней фамилии: сын лорда Гримсби, виконт Тальбойс. Он путешествует с своим **наставником**, Барингом Лидером. **Гувернер** имеет сильное и естественное влечение к аристократии...» (с. 122).

Пристрастие к игре у Теккеря владеет Томасом Кикльбюри, а затем овладевает и его матерью: «Пусть теперь те, кто слишком надеется на свою добродетель, прислушиваются к правдивой и печальной истории, которую я буду рассказывать, и смирятся духом, и затвердят себе на память, что **самые совершенные из нас могут при случае споткнуться**. Кикльбюри не был совершенством и я нисколько не одобряю его поведения. Он **тратил за столами мосье Лемуара гораздо больше времени и денег, чем бы следовало...**» (с. 137). Сходная общая мысль в «Игроке» выражена устами «бабушки» уже после ее ужасного проигрыша: «— **Теперь уже не буду молодых обвинять в легкомыслии**, да и того несчастного, генерала-то вашего, тоже грешно мне теперь обвинять» (5; 288) — а сходный личный упрек обращен к генералу: «— ...небось здесь от рулетки не отходишь? Весь просвистался?» (5; 255).

Впрочем, Томас проигрывает, наружно сохраняя самое доброе расположение духа: «...одно, чего он не мог проиграть, было **его все-**

гдашнее веселое расположение. Если фортуна расправляла свои быстрые крылья и улетала от него, он **смеялся** вслед за нею; спустив целый сверток золота, он танцевал и болтал так же **весело**, как будто он был весь слеплен из луидоров, и как будто все пять тысяч фунтов годового дохода, приносимые именем Кикльбюри, по словам его матери, шли исключительно в его карманы» (с. 137—138). Таким образом, он делает это в полном соответствии с тем, как в «Игроке» охарактеризована «джентльменская игра»: «Выиграв, он (джентльмен. — С.К.) может, например, вслух **засмеяться**, сделать кому-нибудь из окружающих свое замечание, даже может поставить еще раз и удвоить, но единственно только из любопытства, для наблюдения над шансами, для вычислений, а не из плебейского желания выиграть. Одним словом, на все эти игорные столы, рулетки и *trente et quarante* он должен смотреть не иначе, как на **забаву**, устроенную единственно для его удовольствия <...> Барышня выигрывала или проигрывала, непременно улыбалась и отходила очень **довольная**» (5; 216—217). Именно таким образом в «Игроке» проигрывает генерал: «Он отошел **с улыбкою** и выдержал характер» (5; 217).

При этом Томас стеснен в средствах почти так же, как генерал: «А между тем, если вычесть из этих пяти тысяч вдовье наследство миледи и долю сестер да проценты по залогу этого поместья, я должен сказать с сожалением, что сэра Томас должен был считать свои доходы не тысячами, а сотнями фунтов стерлингов. Вообще говоря, для всякой девицы, которой карета необходима (а кто же может жить без кареты?), наш приятель баронет был не из желательного разбора холостяков» (с. 137). Очень скоро он, по всей видимости, проигрывается в пух и прах: «Присутствие ли матери помешало его удовольствиям, или некоторые из ее манер и действий были ему не по вкусу, или он проигрался в рулетку донельзя и ему уже не с чем было продолжать, но достоверно то, что после двухнедельного пребывания леди Кикльбюри в Рулеттенбурге он отправился на охоту с графом Эйнгорном в Вестфалию...» (с. 137—138). Неродовитый Гикс выручает Томаса в его трудных обстоятельствах: «Она (Фанни. — С.К.) заплакала от благодарности, узнав, что Гикс дал займы денег сэру Томасу; подошла к нему и сказала: “Благодарю вас, капитан Гикс!” и пожала ему руку так горячо, что я не мог не позавидовать счастливцу, у которого **отец богатый стряпчий на Бедфорд-Роу**» (с. 138). Из этого в «Игроке» мог произрасти мотив денежной зависимости Полины от Де-Грие.

Как видим, отношения между членами любовного треугольника «Английских туристов» лишены неприязни и взаимного мучительства, которыми они отмечены в «Игроке». Впрочем, Фанни сама вначале упорно называет Гикса заочно «несносным человеком» и просит неверящего ее неприязни к тому Титмарша: «— Перестаньте мучить бедную девушку, вы злое, насмешливое существо!» (с. 113) — но это всего лишь женские хитрости и фигуры речи. Однако отнюдь не свободно от мучительства отношение сестры Лавинии к своему мужу Милликену: «О, как она изнемогала! как капризничала! как беспрестанно то или другое было ей не по вкусу! И какой рысью заставляла она ходить бедного Милликена! <...> Пальмовую ветвь славы следовало бы присудить этому человеку за его **ангельское терпение**, энергию и **страдания**» (с. 113, 115). Это вызывает у автора следующее особое «*Примечание*»: «В супружеской жизни, мне так кажется, часто бывает или Милликен с женою, или диаметрально противное. **Ангелы ухаживают за мучителями**, или кроткий, **мокрая-курица супруг расстилается перед своею владычествующею половиной**» (с. 115). Последние выделенные слова из этого рассуждения Теккерея, возможно, прямо отозвались в «Игроке» в следующем признании Алексея Ивановича: «...если я, например, **исчезаю пред нею самовольно в ничто**, то это **вовсе ведь не значит, что пред людьми я мокрая курица**... <...> Небось! Она испугается скандала и кликнет меня опять. А и не кликнет, так все-таки **увидит, что я не мокрая курица**...» (5; 239).

В «Английских туристах» есть и персонаж, отдаленно напоминающий генерала в «Игроке», а его отношения с женой, «светилом нашего высшего общества» леди Аурелией Найтсбридж, также отчасти могли питать мотив взаимного мучительства у Достоевского: «Муж ее наслаждается весьма немногими из *ее* качеств. Да и как ему? Его наслаждения — лисья травля и скачки, курительная комната в Отели путешественников; скажем ли что еще? — иллюминированные арки воксала и прыжки растрепанной Терпсихоры! Милорд Найтсбридж имеет свои недостатки — увы! Даже пэрство Великобритании не изъято от них. Имея женою Диану, он убегает из чертогов, где заседает она, ясная и беспорочная, и его можно найти в облаках дыма, в тех пещерах, где “Трубочист” поет песнь смерти, или судья вакханалии произносит свои сатирические приговоры. Итак, лорд Найтсбридж имеет свои недостатки, но он страдает подагрой в Рулеттенбурге на Рейне, и добрая супруга спешит

туда ухаживать за ним» (с. 110). Разумеется, здесь речь идет не столько о мучительстве, сколько о разладе в отношениях, а тема мучительства и мученичества в любви в «Игроке» имеет, как и в «Записках из подполья», гораздо более психологически разработанный характер: «Человек — деспот от природы и любит быть мучителем. Вы ужасно любите» (5; 231). Однако одним из своих первоначальных импульсов она могла иметь сходные мотивы у Теккерея.

Что касается Гикса, то он, конечно, если и похож на Де-Грие, то только своим незнатным происхождением (которого он, впрочем, в отличие от Де-Грие, отнюдь не скрывает). Тем не менее, приятель Титмарша Ленкин при первой встрече принимает его за маркиза: «А между тем приятель мой, Ленкин, рассматривает его с восхищением, любуется его блестящими сапогами, цепочками и брелоками, усами и бакенбардами, перчатками и прочими принадлежностями франтовства, вроде того, как дамы султанского гарема разглядывали одну посетившую их важную леди из Парк-Лена; или как простодушные подданные Монтезумы смотрели на одного из увесистых латников Кортеса.

— **Должно быть, по крайней мере, маркиз**, — шепчет мне Ленкин, который советуется всегда со мною насчет касающихся общества вопросов — ему угодно иметь высокое мнение о моей светской опытности.

Я расхохотался презрительно: “*Это!* Драгунский капитан, а отец его стряпчий на Бедфорд-Роу. Усы мещанина, мой любезный Ленкин, растут не хуже бороды какого-нибудь **маркиза**; а чтоб выучиться полькировать, не нужно много благородной крови”» (с. 107).

В «Игроке» Де-Грие сам и безо всяких на то оснований выдает себя за графа или маркиза: «Лакеи называют» его «“monsieur le comte”, мать mademoiselle Blanche называется “madame la comtesse”; что ж, может быть, и в самом деле они “comte et comtesse”» (5; 209). Алексей Иванович и вслед за ним Полина также говорят о нем как о «маркизе»: «— Скажите, — отвечал я вопросом, — **наш маркиз**, кажется, тоже посвящен во все семейные тайны? <...> — ...зато **француз — маркиз** и умнее, — ответила она спокойнейшим образом <...> ...и **троюродный cousin маркиз** — все очень хорошо знают, что мы разорились» (5; 213, 214). Однако вскоре Алексей Иванович признается: «Что касается до самого маркиза, то **хоть я и до сих пор сомневаюсь, что он маркиз**, но принадлеж-

ность его к порядочному обществу, как у нас, например, в Москве и кое-где в Германии, кажется, не подвержена сомнению» (5; 222) — а еще позднее мистер Астлей говорит ему: «**Маркизом Де-Грие стал тоже весьма недавно** — я в этом уверен по одному обстоятельству» (5; 247). Разумеется, есть немаловажная разница между тем, что окружающие принимают героя за маркиза, и тем, что сам герой выдает себя за такового. Однако одним из многочисленных импульсов к созданию образа Де-Грие, наряду со многими другими литературными прототипами этого героя, теккереевский Гикс послужить все же мог.

В очерке есть также обобщенная характеристика молодого француза, весьма напоминающая Де-Грие у Достоевского: «Французский шестнадцатилетний юноша уж, конечно, в этом возрасте имел *des passions*; он занимается своим туалетом и пристально разглядывает женщин с убийственными намерениями. Адольф говорит Альфонсу: “La voila; cette charmante Miss Fanni, la belle Kiclebury; je te donne ma parole, elle est fraiche comme une rose; **la crois-tu riche, Alphonse?**” — “Je me range, mon ami, vois tu; la vie de garçon me pèse. Ma parole d’honneur je me range” (* — “Вот она, эта прелестная мисс Фанни, эта прекрасная Кикльбюри; честное слово, она свежа как роза; **богата она, как ты думаешь, Альфонс?**” — “Я исправляюсь, мой друг, холостая жизнь надоела мне. Честное слово, я исправляюсь”). И он отпускает Фанни смертоносный поклон, сопровождаемый взглядом, который как будто говорит: “Прелестная Anglaise, я знаю, что твое сердце отдано мне”» (с. 133).

На «некоторой аналогии между авантюристкой Бланш и “принцессой де Магадор” (*madame la Princesse de Magador*) в очерке Теккеря, оказавшейся французской модисткой», отмеченной в комментарии к академическому изданию (5; 402), стоит остановиться подробнее: «— Кто эта тонкая дама, с которой сейчас говорил мистер Вашингтон Уокер? — спрашивает она (леди Кикльбюри. — С.К.) у сына. Кикльбюри мигнул про себя. — **Это Madame la Princesse de Mogador — французский титул.** — Она танцевала на вчерашнем бале и танцевала отлично: я ее заметила. В ней какая-то особенно благородная грациозность. — О, да. Однако пойдем дальше, — говорит Кикльбюри, **слегка покраснев после ответа на кивок принцессы.** Удивительно, какое огромное знакомство у Кикльбюри! У него готовая шутка и готовая любезность — на лучшем немецком диалекте, к какому он только спо-

собен — для всех, начиная с важных дам до немецких крестьян...» (с. 135).

И только «на обратном пути в Англию» леди Кикльбюри узнает правду: «Увидя, что *Madame la Princesse de Mogador* садится в вагон железной дороги, куда последовал за нею лорд Тальбойс, леди Кикльбюри поспешила броситься в тот же экипаж, а экипаж этот был не что иное, как так называемый на германских железных дорогах (чего бы я очень желал и на наших) *Rauch-Coupe*. Усевшись на свое место и посмотрев довольно сердито на миледи, лорд Тальбойс закурил сигару; так как он был сыном английского первостепенного вельможи и наследником многих тысяч фунтов годового дохода, леди Кикльбюри не нашла в этом ничего предосудительного. Она отрекомендовалась *Madame la Princesse de Mogador*, заметив ей, что имела честь встречать ее в Рулеттенбурге; что она леди Кикльбюри, мать того самого *Chevalier de Kicklebury*, который пользовался счастьем быть известным *Madame la Princesse*, и она надеется, что *Madame la Princesse* провела приятно время на водах. На эти любезности **могадорская принцесса отвечала весьма грациозным и благосклонным поклоном, обменявшись выразительными взглядами с двумя необычайно бородатыми джентльменами, путешествовавшими в ее свите.** На вопрос миледи о месте жительства ее в Париже, принцесса отвечала, что *Hôtel* ее находится в *Rue Notre-Dame de Lorette*, и леди Кикльбюри изъявила надежду иметь честь засвидетельствовать там свое почтение а *Madame la Princesse de Mogador*. Но когда один из бородатых джентльменов назвал принцессу очень фамильярно *Fifine*, а другой сказал ей: “*Veux-tu fumer, Mogador?*” и принцесса действительно взяла сигару и начала курить, леди Кикльбюри остолбенела и затрепетала, а лорд Тальбойс разразился припадком самого безумного хохота. — Что вас так забавляет, милорд? — спросила миледи, весьма испуганная и даже краснея, как шестнадцатилетняя девочка. — Извините меня, леди Кикльбюри, но я не мог удержаться. Вы говорили с вашей *vis-à-vis*, которая не понимает ни слова по-английски, и называли ее принцессой, а она такая же принцесса, как вы или я. Она **не больше как мелочная модистка из улицы, которую вам назвала, и танцует на балах *Mabille* и *Château-Rouge***» (с. 142—143).

Помимо «принцессы де Магадор», в очерке упоминаются также «другого рода образчики французской сволочи: они едут *aux eaux* (на воды. — *К.С.*) в качестве шулеров, спекулянтов, сантимента-

листов, дуэлистов, и проч.; путешествуют с **Madame** — супругою, которой другие шулера кивают очень фамильярно. Эти плуты гораздо презентабельнее и образованнее того же разбора британцев, которых манеры отзываются конюшной...» (с. 133)³.

В «Игроке» всем им отдаленно соответствует «*mademoiselle Blanche*», о которой, по словам Алексея Ивановича, «здесь у нас говорят, что она знатная француженка, имеющая с собой свою мать и колоссальное состояние. Известно также, что она какая-то дальняя родственница нашему маркизу, только очень дальняя, какая-то кузина или троюродная сестра. <...> Мне кажется, *mademoiselle Blanche* **безо всякого образования**, может быть даже и не умна, но зато подозрительна и хитра. Мне кажется, **ее жизнь была-таки не без приключений**. Если уж говорить все, то может быть, что маркиз ей вовсе не родственник, а мать совсем не мать». Как лорд Тальбойс развеивает, наконец, заблуждение леди Кикльбюри относительно «принцессы де Магадор», так тайну относительно «*mademoiselle Blanche*» в конце концов разрешает мистер Астлей: «**Mademoiselle Blanche тогда не называлась *mademoiselle de Comings***, равномерно и мать ее *madame veuve Comings* тогда не существовала» (5; 221—222, 247).

Готовность Бланш обольстить «бабушку» («Я уверен, что и *mademoiselle Blanche* <...> употребила бы все **обольщения кокетства** над бабушкой...» — 5; 268), стремление к этому Де-Грие («— *Mais, madame, cela sera un plaisir, — подвернулся Де-Грие с обворожительной улыбкой*» — 5; 256) похожи на то, как леди Кикльбюри, «лишь только к ней подвели лорда Тальбойса, дает Фанни выразительный толчок локтем, которым повелевает употребить в дело все ее обольщения. **Как старая леди ластится к нему! Как увивается около него!** Она вылила на его голову всю родословную Тальбойсов, спрашивает о его тетке, о родных его матери. Он едет в Рулеттенбург? Как это восхитительно! Нет на свете подобного британской энергии: великое и поучительное зрелище представляют нам жены Британии, когда они атакуют юношей знатных фамилий и с большим состоянием!» (с. 123). Так же как «бабушка» и мистер Астлей (см.: 5; 249), лорд Тальбойс ясно видит это: «А знаете ли, что этот молодец понимает лучше всякого другого, какие силки расставлены для него и сметлив не хуже любого ветерана» (с. 125). И отзывается об этих попытках не менее резко: «Знаете ли вы эту **толстую старуху**, Титмарш? — спра-

шивает меня будущий законодатель Англии. — За каким чортом пристает она ко мне с моими тетками и напускает на меня свою дочь? Я не такой дурак» (с. 124).

2

Больше всего в «Игроке» Достоевского и в «Английских туристах» Теккерей поражает сходство между образами и сюжетной историей «бабушки» и леди Кикльбюри. Последняя с самого начала отрекомендована как **«старая леди»** (с. 123), **«толстая старуха»** (с. 124), **«важная леди Кикльбюри»** (с. 109). Появление «бабушки» на страницах романа предваряет аналогичный отзыв о ней Алексея Ивановича, задающий ассоциации этого образа со **«старой графиней»** из «Пиковой дамы»: «— О ком? — спросил мистер Астлей. — О той **старой ведьме** в Москве, которая не умирает и от которой ждут телеграммы, что она умрет» (5; 249). Впрочем, ассоциации, как со «старой графиней» Пушкина⁴, так и со «старой леди» Теккерей скоро обнаруживают свой внешний, поверхностный характер. В конечном счете героиня Достоевского в обоих случаях оказывается героиней Пушкина или Теккерей с точностью до наоборот.

Небогатая леди Кикльбюри довольно знатного происхождения: «Леди Кикльбюри встречается с нами нечасто, и к ней ездит все народ гораздо важнее нас. Но мы знаем многое о них» (с. 109). И в этом отношении она в общем под стать не слишком знатной, но весьма состоятельной «бабушке». Бабушка приезжает и уезжает «поездом» (5; 250), по **«железной дороге»** (5; 253). Леди Кикльбюри отрезок пути от Антверпена до Бонна, как и все, тоже проделывает **«по железной дороге»** (с. 121).

«Бабушка» приезжает «с таким треском и шумом, с **собственной прислугой и с столькими баулами и чемоданами...**» (5; 250). Титмарша еще на пароходе поражает следующая картина: «— Кому принадлежит эта **страшная груда багажа** под надзором **горничной, курьера и британского лакея?** <...> Владельцами **бесчисленных ящиков, сундуков, шкатулок, дорожных мешков, картонов и футляров**, с литерою *K*, оказались три дамы и худошавый джентльмен, лет тридцати двух или трех, вероятно, муж одной из них» (с. 107).

С самого начала «бабушка» привлекает особое внимание окружающих своим повелительным тоном: «Своя прислуга, особое по-

мещение в вагоне, бездна ненужных баулов, чемоданов и даже сундуков, прибывших с бабушкой, вероятно, послужили началом престижа; а кресла, **резкий тон и голос бабушки, ее эксцентрические вопросы, делаемые с самым не стесняющимся и не терпящим никаких возражений видом, одним словом, вся фигура бабушки — прямая, резкая, повелительная, — довершали всеобщее к ней благоволение»** (5; 257). Аналогичное впечатление производит и леди Кикльбюри: «Главою общества этого джентльмена была, очевидно, толстая дама. Она **размахивала парасолем, как фельдмаршалским жезлом, и рассовывала туда и сюда багаж и слуг»** (с. 108).

По количеству слуг и своенравному обращению с ними «бабушка» не уступает леди Кикльбюри: «...взяла девушку, да Потапыча, да Федора лакея, да этого Федора из Берлина и прогнала, потому: вижу, совсем его не надо, и одна-одинешенька доехала бы...» (5; 254). Семейство Кикльбюри из четырех человек сопровождают лакей Боумэн, горничная Фанни, горничная Лавинии и курьер Гирш. При этом Потапыч, «седой старичок, во фраке, в белом галстуке и **с розовой лысиной**», ее «**дворецкий, сопровождавший ее в вояже...**» (5; 250, 251) несколько смахивает на «исполинского Боумэна, **в полу-ливрее, с огромными гербовыми пуговицами и с остатком пудры от лондонского сезона на волосах**» (с. 109).

Отнюдь не внезапный приезд леди Кикльбюри в Рулеттенбург, тем не менее, назван у Теккерея «нашествием»: «Почтительный сын леди Кикльбюри приготовил **квартиру, приличную ее достоинству и многочисленности семейства**, в том же доме, где один из приятелей Ленкина нанял для нас гораздо скромнейшее помещение. Кикльбюри встретил **нашествие своей матери** с большим добродушием; сам он представлял такую удивительную фигуру, когда явился своим удивленным друзьям, что его едва могли узнать мать и сестры, и вытаращившие глаза слуги» (с. 126). В «Игроке» приезд «бабушки», которой «...уж неизвестно почему, отвели такое **богатое помещение**, что даже пересолили...» в той же гостинице, в которой живет семейство генерала, в самом деле был «катастрофой для всех!» (5; 253).

Впрочем, в «Английских туристах» Титмарш тоже предвидит в действительности иную реакцию Томаса на приезд матери: «Я говорю ей, что молодежь всегда будет молодежью и должна перебежаться; думаю про себя, что нашествие маменьки, может быть, **больше удивит, чем обрадует молодого сэра Томаса Кикльбюри...**»

(с. 119). Ср. реакцию Алексея Ивановича в «Игроке»: «...я только был удивлен... **Да и как же не подивиться**, так неожиданно...» (5; 251) — и в особенности генерала: «— Антонида Васильевна... тетушка... **но каким же образом...** — пробормотал несчастный генерал» (5; 253).

В то же время в целом «бабушка» обрисована скорее в противоположность, чем в pendant к леди Кикльбюри. Если последняя с самого начала клянется: «Где эти **ужасные игорные залы?** Не там ли, где народ толпится у дверей? **О, я, конечно, никогда не загляну в них!**» (с. 128), то «бабушка», напротив, сразу по приезде заявляет: «— **Я вот посмотрю, что это за рулетка такая, сегодня же**» (5; 255) — и без отлагательств исполняет свое намерение: «— Ну, где же эта рулетка?» (5; 258). В отличие от леди Кикльбюри, все время оставшейся в заблуждении относительно «madame la Princesse de Mogador», она с первого взгляда распознает mademoiselle Blanche: «— О, глаза опустила, манерничает и церемонничает; **сейчас видна птица; актриса какая-нибудь.** <...> — ...правда ли, что я давеча стороной узнала, что этот дурак, отчим твой-то, хочет жениться на этой глупой вертушке француженке, — **актриса, что ли, она, или того еще хуже?**» (5; 254, 278).

Если у Теккерея игорные залы — «это место **вовсе не неприятное**» (с. 129), то Достоевский устами Алексея Ивановича скорее идет наперекор «этой лакейшине в фельетонах целого света и преимущественно в наших русских газетах, где почти каждую весну наши фельетонисты рассказывают о двух вещах: во-первых, о необыкновенном великолепии и роскоши игорных зал в рулеточных городах на Рейне, а во-вторых, о горах золота, которые будто бы лежат на столах» (5; 215), а заодно и самому Теккерей: «**Никакого великолепия нет в этих дрянных залах**, а золота не только нет горами на столах, но и чуть-чуть едва ли бывает <...> Во-первых, мне все показалось так грязно — как-то нравственно скверно и грязно. Я отнюдь не говорю про эти жадные и беспокойные лица, которые десятками, даже сотнями, обступают игорные столы» (5; 215, 216).

Леди Кикльбюри начинает играть под влиянием необыкновенного везения играющего мальчика — «маленького бесенка» (с. 138). На третий день она «снова сидела за коварным столом и выигрывала постоянно, пока не явился этот маленький медвежонок; тогда счастье ее вдруг переменилось. Она начала держать его руку, и мальчик стал проигрывать <...> сначала она держала руку шалуна, а потом стала играть против него. Лишь только она взялась за по-

следнее средство, счастье бесенка переменялось и **он стал выигрывать напропалую**» (с. 139). «Бабушке» тоже с самого начала «особенно понравился в конце стола один очень молодой человек, игравший в очень большую игру, ставивший тысячами и **наигравший, как шептали кругом, уже тысяч до сорока франков...**» (5; 261—262), однако она не только не начинает повторять его ставки, но даже пытается сказать ему, чтобы он прекратил игру и ушел.

Отдельные детали поведения леди Кикльбюри в игорном доме могли питать изображение Алексея Ивановича в эпизодах его игры на рулетке. В первый вечер леди Кикльбюри играет скромно и скоро прекращает игру: «Газетная комната в рулетенбургском заведении находится подле рулетной, в которую двери всегда отворены. Леди Кикльбюри заходила иногда, с газетою в руках, в игорную комнату, посмотреть на игроков. <...> Наконец, миледи решила поставить флорин — всего один только флорин — на один номер рулетки с маленьким бесенком. Выходит двадцать седьмой номер, и крупер перекладывает к леди Кикльбюри три золотые монеты и пять флоринов, которые она сгребла трепещущею рукою» (с. 137—138). Аналогичным образом Алексей Иванович, как только «вошел в игорную залу (в первый раз в жизни)», «**некоторое время не решался играть**» (5; 215).

После единственной и выигранной леди Кикльбюри в первый вечер ставки она «больше не играла, а уселась в игорной комнате, **прикидываясь, будто читает газету Times; но вы бы тотчас заметили, что взоры ее все направлены через печатный лист...**» (с. 138). Это ее поведение, так же как и вышеобозначенное поведение лорда Тальбойса, находится в полном соответствии с представлением о «джентльменской игре», сформулированным в «Игроке»: «Впрочем, и **очень пристально наблюдать опять-таки не следует**: опять уже это будет не по-джентльменски, потому что это во всяком случае не стоит большого и пристального наблюдения» (5; 216, 217).

Основные черты «джентльменской игры» в описании Достоевского те же, что и у Теккерея: «Джентльмен, например, может поставить пять или десять луидоров, редко более, впрочем, можно поставить и тысячу франков, если очень богат, но собственно для одной игры, **для одной только забавы**, собственно для того, чтобы посмотреть на процесс выигрыша или проигрыша; но отнюдь не должен интересоваться своим выигрышем <...> Одним словом, на все эти игорные столы, рулетки и trente et quarante он должен смот-

реть не иначе, как **на забаву**, устроенную единственно для его удовольствия» (5; 216, 217). Ср. в «Английских туристах»: «Это место вовсе не неприятное. Большая часть находящихся в нем **смотрит даже довольно весело**. Вы там не увидите исступленных игроков, которые, скрежеща зубами, пускают последние деньги на ставку. <...> Так называемое “порядочное общество” играет спокойно и равнодушно. Порядочный человек проиграет массу золота, встанет и **уйдет как ни в чем не бывало**, без всякого признака отчаяния» (с. 129).

«Бабушка» играет отнюдь не в «джентльменскую игру»: «...когда бабушка увидела, что крупер загреб ее четыре тысячи гульденов, вместе со всем, что стояло на столе, и узнала, что **зэго**, который так долго не выходил и на котором мы проставили почти двести фридрихсдоров, выскочил, как нарочно, тогда, когда бабушка только что его обругала и бросила, то **ахнула и на всю залу сплеснула руками**» (5; 274). И в этом отношении она, на первый взгляд, немногим отличается от леди Кикльбюри, которая «на следующий вечер» «приблизилась снова и поставила на номер два флорина; проиграла, **раскраснелась, очень рассердилась** и снова отошла» (с. 139). Однако, по существу дела, различия между героинями значительны. Леди Кикльбюри все же старается играть в «джентльменскую игру» — только ей это не слишком удается. Именно поэтому она выказывает свои эмоции и не может вовремя остановиться.

Фразе о леди Кикльбюри: «На другой день она **пошла к менялам** и разменяла пару банковых билетов. Вечером опять у стола, и в следующий вечер, и в следующий вечер, и в следующий» (с. 139) — в «Игроке» соответствует целый эпизод поиска и посещения «бабушкой» и Алексеем Ивановичем **«меняльных лавок»** (5; 274—276). Поскольку леди Кикльбюри ставит понемногу, то все свои деньги она проигрывает, судя по всему, за шесть вечеров (с. 138—139). «Бабушке», чтобы проигратся окончательно, хватает двух дней, в течение которых она трижды посещает «игорный дом».

Как и «бабушка», во время ее первого прихода в игорный дом выигравшая «почти что тринадцать» тысяч флоринов (5; 266), в свой первый и особенно во второй вечер леди Кикльбюри «была довольно счастлива и воротилась домой с маленьким выигрышем» (с. 139). После выигрыша «бабушка» щедро одаряет своих слуг («по пяти золотых») и велит дать по фридрихсдору, а то и по два, или по гуль-

дену носильщикам, лакею, «одной личности в истасканном сюртуке» и идущим ей навстречу нищим, из которых далеко не все оказываются на самом деле таковыми (5; 266—267). После выигрыша леди Кикльбюри «следующий день был воскресенье: она пожертвовала два флорина на бедных...». «...и мисс Фанни не могла надивиться щедрости своей мама» (с. 139), — саркастически комментирует это Титмарш-Теккерей.

Именно в игре и в переживании ее последствий полностью раскрываются глубокие различия между этими двумя героинями: «Игра “бабуленьки” — это русский вариант “игры ради игры”. Она играет страстно, исступленно и самозабвенно. И одновременно она играет очень простодушно, недаром по ходу игры Достоевский не однажды сравнивает ее с ребенком»⁵. Игра леди Кикльбюри — это неудавшаяся попытка «джентльменской игры». Недаром в то время, как «бабушка» проигрывает и свои наличные деньги, и ценные бумаги, леди Кикльбюри проигрывает только наличные и сравнительно небольшие деньги. Но свой проигрыш она переживает совсем не так, как пристало «леди».

«Бабушка» после своего крупного проигрыша довольно резка со слугами: «— Куда, матушка, ехать изволите? — начала было Марфа. — А тебе какое дело? Знай сверчок свой шесток! Потапыч, собирай все, всю поклажу. Едем назад, в Москву» (5; 277). И в этом отношении она также напоминает леди Кикльбюри: «На пятый день она ходила, как исступленная. Она бранилась и бесновалась до того, что **курьер Гирш объявил свое намерение оставить службу у мистера Милликена, так как он нанялся не у леди Кикльбюри; лакей Боумэн отказался также и объявил лакею других жильцов этого дома, что не останется у этой старой ворчуньи, хоть она тресни; Фанни и горничная миледи, взятая из Кикльбюри, расплакались; Финч, горничная мистрис Милликен, жаловалась своей госпоже...**» (с. 140).

Тем не менее, слуги «бабушки», разумеется, и не помышляют жаловаться на нее, а, напротив, преисполнены сочувствием к ней, которое сквозит в реплике Потапыча Алексею Ивановичу: «Все, батюшка, проиграла; все как есть, все, что вы ей наменяли. Довезли мы ее, матушку, сюда — только водицы спросила испить, перекрестилась, и в постельку. Измучилась, что ли, она, тотчас заснула. Пошли бог сны ангельские!» (5; 281). Между тем не только слуги, но даже и старшая дочь леди Кикльбюри с мужем далеки от этого. Когда она признается, что «проиграла все», то есть все, что у

нее было с собой, ее дочь Лавиния предъявляет ей претензии за то, что она «бранилась и бесновалась» со слугами, которые собрались «оставить службу», и просит мать заплатить ее «долю путевых издержек» (с. 140).

Леди Кикльбюри проигрывает сравнительно небольшие деньги, однако сообщает об этом своей семье с гораздо большим пафосом, чем «бабушка»: «— Лавиния, Горэс, Фанни! Подите сюда и узнайте мое несчастье. — Что такое? — закричал в испуге Горэс. — **Я разорена, я нищая! Да, я нищая! Я проиграла все... все за тем ужасным столом!** — Как все? Много ли? — спросил Горэс. — Все деньги, какие со мною были. Я намеревалась заплатить одна за все издержки путешествия; за тебя, за эту неблагодарную — за все! Но с неделю тому назад, увидя прелестнейший детский кружевной наряд на лавке, и... выиграв в... в... вист достаточно, чтоб заплатить за него... кроме двух флоринов... я подошла в несчастную минуту к рулетке... **и проиграла... все до последнего шиллинга!** Теперь признаюсь в своем несчастье... Я не исторический живописец и, конечно, не возьмусь изобразить эту потрясающую сцену. Но что она подразумевала, говоря, будто бы желала заплатить за все? У нее всего-на-все было два банковые билета, в двадцать фунтов каждый; я, право, не постигаю, каким бы образом она заплатила такую ничтожной суммой за все издержки путешествия» (с. 141). В отличие от нее, рассказывая о своем по-настоящему крупном проигрыше Алексею Ивановичу, «бабушка» говорит «медленно и важно склоняя голову»: «...извините, что еще раз побеспокоила, простите старому человеку. **Я, отец мой, все-таки оставила почти сто тысяч рублей.** Прав ты был, что вчера не пошел со мною. **Теперь я без денег, гроша нет**» (5; 288).

Перед отъездом она берет займы три тысячи франков на неделю под вексель у мистера Астлея. Леди Кикльбюри выручает ее зять: «Узнав, что мама ее вовсе не имеет денег у своих лондонских банкиров и что она забрала уже там вперед не в меру, Лавиния просила Горэса **дать ей пятьдесят фунтов, взяв от миледи торжественнейшее обещание, что она возвратит эти деньги при первой возможности**» (с. 141).

«Бабушка» сама решает без отлагательств вернуться в Россию: «Медлить не хочу ни минуты, в девять с половиною и поеду...» (5; 288). Также «немедленно, даже несколько ранее обыкновенного разъезда публики с вод» (с. 141), возвращается в Англию и леди Кикльбюри.

Однако делает это она не сама, а по постановлению «семейного совета» (с. 141). Таким образом, в художественный строй образа «бабушки» наряду со многим другим входит внешне унисонная, а в сущности диссонансная соотнесенность его с героиней Теккерей.

3

Многое из обобщенной характеристики Теккереем англичан, по всей вероятности, питало характер мистера Астлея: «Мы везем с собою всюду нашу нацию: мы на своем острове, где бы мы ни находились» (с. 122), «Правду же говорят, будто бы нам, **англичанам, нравится только свое** и что **мы переносим с собою всюду свое предубеждение!**» (с. 124). В нем постоянно подчеркивается его строгое ограждение чужого *privacy*, кажущееся «странным» с позиций русского этнокультурного сознания: «...когда я заговорил про француза, он вдруг осадил меня и строго спросил: имею ли я право упоминать об этом постороннем обстоятельстве? Мистер Астлей **всегда очень странно задавал вопросы**. — Вы правы: боюсь, что нет, — ответил я» (5; 243).

Поведение мистера Астлея в романе Достоевского вообще обрисовано в строгом соответствии с гетеростереотипом англичанина в русской культуре: «Любопытно и смешно, сколько иногда может выразить взгляд стыдливого и болезненно-целомудренного человека, тронутого любовью, и именно в то время, когда человек уж, конечно, рад бы скорее сквозь землю провалиться, чем что-нибудь высказать или выразить, словом или взглядом. <...> Он снимает шляпу и проходит мимо, умирая, разумеется, от желания к нам присоединиться. Если же его приглашают, то он тотчас отказывается» (5; 222). В его обращении и поведении постоянно подчеркиваются сдержанность, спокойствие, рассудительность, прямотушие: «Нимало не думая и много не говоря, он тотчас же отсчитал ей три тысячи франков под вексель, который бабушка и подписала. Кончив дело, он откланялся и поспешил выйти» (5; 288), «— Я люблю вас и потому к вам пришел <...> он был очень застенчив» (5; 244), «спокойно отвечал мистер Астлей» (5; 248), «— Англичанин. То-то он уставился на меня и зубов не разжимает. Я, впрочем, люблю англичан» (5; 251), «Он радушно протянул мне руку, с своим обычным восклицанием: “А!” ...» (5; 285), «...остановился предо мной, молча устремив на меня свой оловянный взгляд

<...> — <...> если она умрет, то вы дадите мне отчет в ее смерти
 <...> — Все русские, имея деньги, едут в Париж, — пояснил мистер Астлей голосом и тоном, как будто прочел это по книжке» (5; 299—300), «— <...> раз навсегда предупреждаю вас избегать подобных намеков и неблагородных сопоставлений, иначе вы будете непременно иметь дело со мною» (5; 315). Одну из сторон подобного стереотипа формулирует Алексей Иванович: «...мистер Астлей почтет это себе за личную обиду (вы знаете, как **англичане настоячивы**) ...» (5; 242), «...**англичане** большею частью **угловаты и неизящны...**» (5; 316)⁶.

С лордом Талбойсом его сближает знатное происхождение: «...мистер Астлей — племянник лорда, настоящего лорда, это известно всем, лорда Пиброка, и лорд этот здесь» (5; 242). С влюбленным в Фанни Гиксом (в отличие от мистера Астлея пользующимся взаимностью своей пассивностью) его роднит обеспеченность: «— Вы сахаровар, мистер Астлей? — Да, я **участвую в компании известного сахарного завода Ловель и Комп.**» (5; 316)⁷. Ср.: «...отец богатый стряпчий на Бедфорд-Роу» (с. 138), «*Это!* Драгунский капитан, а отец его стряпчий на Бедфорд-Роу» (с. 107). Причем у Теккерея подчеркивается отсутствие природных различий между людьми знатного и незнатного происхождения: «Усы мещанина, мой любезный Ленкин, растут не хуже бороды какого-нибудь **маркиза**; а чтоб выучиться полькировать, не нужно много благородной крови» (с. 107).

В финале «Английских туристов» Гикс в преддверии женитьбы на Фанни возвращается с ней из Рулетенбурга — Полина в финале «Игрока» живет в Швейцарии в семье мистера Астлея. Правда, в отличие от героини Теккерея, любит она по-прежнему Алексея Ивановича. По словам мистера Астлея, Полина «путешествует вместе с семейством» его «сестры, вышедшей замуж» (5; 315). Что касается Фанни, то она с самого начала путешествовала с сестрой и ее мужем (а, впрочем, также и с матерью).

Два сравниваемых нами произведения сближает также ряд других моментов. То, что крупье во время игры, как отметила Е.И. Кийко, «произносят одни и те же французские фразы...» (5; 401), в «Английских туристах» — деталь общей картины игорных залов: «Над говором вавилонского столпотворения и громом музыки, если вы прислушаетесь в большой зале, то услышите из соседней комнаты сухое, звенящее брнчание, и резкий, звонкий голос, выкрикивающий *Zéro, rouge*, или *Trente cinq, noir, impair et*

passé; потом минуты на две пауза, и тогда тот же голос говорит: *Faites le jeu, messieurs. Le jeu est fait, rien ne va plus* — и снова то же сухое, звенящее бренчанье» (с. 128). В «Игроке» же все эти термины впервые используются в эпизоде первого посещения игорных залов «бабушкой» и сопровождаются пояснениями Алексея Ивановича: «Я по возможности растолковал бабушке, что значат эти многочисленные комбинации ставок, **rouge et noir, pair et impair, manque et passé** (красное и черное, чет и нечет, недобор и перебор (*франц.*). — С.К.) и, наконец, разные оттенки в системе чисел. Бабушка слушала внимательно, запоминала, переспрашивала и заучивала. На каждую систему ставок можно было тотчас же привести и пример, так что многое заучивалось и запоминалось очень легко и скоро. Бабушка осталась весьма довольна. — А что такое *zéro*? Вот этот крупер, курчавый, главный-то, крикнул сейчас *zéro*? И почему он все загреб, что ни было на столе? Эдакую кучу, все себе взял? Это что такое?» (5; 263), «Бабушка из себя выходила, на месте ей не сиделось, даже кулаком стукнула по столу, когда крупер провозгласил “**trente six**” (тридцать шесть — *франц.*) вместо ожидаемого *zéro*» (5; 263), «—Faites le jeu, messieurs! Faites le jeu, messieurs! Rien ne va plus?(Делайте вашу ставку, господа! Делайте вашу ставку! Больше никто не ставит? (*франц.* — С.К.) — возглашал крупер, приглашая ставить и готовясь вертеть рулетку» (5; 264). Впоследствии они еще не раз звучат в эпизодах игры на рулетке «бабушки» и Алексея Ивановича.

Кстати, возбужденное состояние «бабушки» во время различных перипетий игры также находит определенную параллель у Теккеря: «Единственный джентльмен, которого я видел в Рулеттенбурге, действительно расстроенным, был какой-то богач: он бесновался, сжимал кулаки и проклинал свою судьбу — не потому, чтоб ему жалко было денег, а ему досадно было, **зачем он не догадался играть на coup de vingt, когда красное выиграло двадцать раз сряду!** Догадайся он только — и банк был бы подорван: конечно, он сам не был бы от этого несколько счастливее, и тогда балы и музыка, газетные комнаты и парки, все праздники и увеселения этого прелестного Рулеттенбурга прекратились бы совсем» (с. 129).

Помимо почти буквальных совпадений в воспроизведении игроцкой терминологии, частично объясняемых, разумеется, общностью изображаемого объекта, обращает на себя внимание, что именно Теккереем задано важное и отозвавшееся также у Досто-

евского уподобление: «Знаете ли вы, что это за комната? Это “ад”. Там хозяин заведения собирает пошину и туда-то идут люди, которые платят деньги, поддерживающие бодрого хозяина и содержащие его пышный дом и сады. Войдемте и посмотрим, что там делается» (с. 128—129). Аналогичным образом удача в игре, которую в «Английских туристах» имел «маленький бесенок», характеризуется: «...по-видимому, имел постоянно **самое адское счастье**» (138—139). Ср. отзыв о своем романе в письме Достоевского Н.Н. Страхову от 18 (30) сентября 1863 г.: «Вещь, может быть, совсем недурная. Ведь был же любопытен “Мертвый дом”. А это **описание своего рода ада**, своего рода каторжной “ бани ”» (28, II; 51).

Разумеется, есть в «Английских туристах» и изображение состояния игрока во время игры: «Если вы проиграете, достойный друг мой, что весьма возможно за красивыми столами Лемуара, то утешайте себя мыслью, что наконец-концов для вас все-таки лучше проиграть, чем выиграть. Я, например, буду говорить за себя и скажу истинную правду. Мне раз случилось начать с пятью шиллингами и выиграть штук двадцать наполеондоров. Как бы вы думали? **До тех пор, пока я не спустил их снова, я был так взволнован, в таком лихорадочном состоянии** и чувствовал себя так неловко, что меня не забавляли самые лучшие французские романы, не улаждали самые прелестные виды, и я потерял всякий аппетит к обеду. Но лишь только у меня отобрали эти злосчастные наполеондоры, спокойствие ко мне возвратилось, Поль Феваль и Сю сделались для меня снова ужасно интересными, и рулеттенбургские обеды, хотя в сущности их нельзя назвать образцами поваренной науки, удовлетворяли меня как нельзя лучше» (с. 131). В «Игроке», однако, оно дано не в общей форме, а применительно к разным героям и разным моментам игры: «Я сам был игрок; я почувствовал это в ту самую минуту. **У меня руки-ноги дрожали, в голову ударило.** <...> Но на этот раз бабушка уже не звала Потапыча; она была занята не тем. Она даже не толкалась и не дрожала снаружи. **Она, если можно так выразиться, дрожала изнутри**» (5; 265).

В очерке Теккерей все англичане живут в Hôtel de Quatre Saisons: «В Рулеттенбурге необъятное множество англичан. В этом году была такая бездна юристов и адвокатов, что **Hôtel de Quatre Saisons** (Гостиница Четырех Времен Года) был назван Hôtel of Quarter Sessions (Гостиницею Трехмесячных Заседаний). Там были судьи с женами, сержанты-адвокаты с супругами, ученые юрис-консуль-

ты, Северный Округ и Западный Округ; были офицеры на половинном и на полном жалованьи, военные офицеры, морские офицеры, шерифские чиновники. Были люди высокого общества, сана и звания, были люди без всякого звания, были мужчины и женщины с репутацией и двух родов репутации; английские мальчишки, игравшие в криккет; английские лягавые, поднимавшие германских куропаток, и английские ружья, из которых стреляли этих куропаток. Были жены, которых мужья, и мужья, которых жены оставались дома; были представители диссидентов, словом, вся Англия выехала гулять на каникулы. Куда мы после будем ездить веселиться? Зимовка в Каире теперь нипочем. Скоро мы будем ездить на лето на Сараготские Ключи, а американцы будут приезжать в Маргэт» (с. 126). В «Игроке» мистер Астлей живет в отеле d'Angleterre. Однако в главе XIII он вдруг направляется в отель "Dequatresaisons" (где, по всей видимости, обитают его соотечественники): «В пятом часу я вдруг увидел его идущего от дебаркадера железной дороги прямо в отель d'Angleterre. <...> он вдруг повернул в стоявший на дороге **отель "De quatre saisons"**, кивнул мне головой и скрылся» (5; 285)⁸.

Говоря в целом о соотношении этих двух произведений, роман Достоевского можно было бы охарактеризовать как своего рода «русские узоры по английской канве». Хотя речь в них обоих идет об игроках и сезонных посетителях немецких городов с игорными заведениями, но у Теккерея — почти исключительно об англичанах, а у Достоевского преимущественно о русских.

При этом у Теккерея немалое место занимают карикатура и сатира: недаром Гикс замечает Титмаршу о курьере Гирше, что тот «должен *накарикатурить* его!» (с. 121), а сам Титмарш говорит по поводу леди Кикльбюри: «Стрелы сатиры, Ленкин, изобретены исключительно для подобных людей» (с. 125). У Достоевского с самого начала в изображении «заграничных русских», прежде всего «генерала», и героев-иностранцев — всех, за исключением мистера Астлея, — звучат откровенные грибоедовские и загоскинские⁹ ноты. Причем преобладает не невинная карикатура, а довольно резкая сатира. Эта не марциалловская, а ювеналовская сатира в свою очередь сплетена в «Игроке» в единое целое с острейшей драматичностью и даже с трагедийностью.

Примечания

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-24-08000 а/м

² **Бутаков А.** Английские туристы. Очерк **Вильяма Теккерея** // Отечественные записки. — Санкт-Петербург: В типографии К. Жернакова, 1851. — № 6. — Отд. VIII. — С. 106. Далее в настоящем разделе цитаты из этого очерка приводятся в тексте с указанием страницы в скобках. Фамилия главной героини пишется здесь «Кикльбюри» (ср.: 5;401). Также сохраняются особенности текста «Отечественных записок» в написании слова «Рулеттенбург» (а не «Рулетенбург», как в «Игроке») и фамилии «принцессы» — «Могадор» (а не «Магадор» ср.: 5;401).

³ Впрочем, эта тема представлена у Теккерея еще более широко: «Кикльбюри имеет в Рулеттенбурге обширное знакомство. Вводя вечером мать и сестер в большую концертную залу, он как будто оглядывается с некоторою брезгливостью, опасаясь, что *все* его знакомые узнают его. В этом пестром обществе есть-таки многие, с которыми ему бы не хотелось кланяться при теперешних обстоятельствах. Тут искатели удовольствия стеклись со всего света: ловцы обоего пола, испанские гранды, бельгийская, французская и английская знать, британцы всех разрядов, начиная с чиновников, пользующихся своим *songé*, до лондонских подмастерьев, вырвавшихся на двухнедельный срок. Кикльбюри знает их всех и прерадушно здоровается со всеми.

— Кто эта дама с тремя дочерьми, которая сейчас поклонилась тебе? — спрашивает леди Кикльбюри у сына.

— Это посланница наша в Х. Я видел, как она вчера на франкфуртской ярмарке покупала детям игрушки, по пенни за штуку.

Леди Кикльбюри салютует посланнице, помахивая перьями шляпки (она разрядилась *engrand*, в самое дорогое) и бросает дочери выразительный взгляд.

— А кто этот джентльмен, который сейчас прошел и кивнул тебе так скрытно?

Кикльбюри расхохотался. — **Это, сударыня, мистер Гигмор из Кондюит-Стрита, портной и суконщик, я должен ему сто фунтов.**

— Какая нестерпимая наглость у этих людей! — восклицает леди Кикльбюри с негодованием. — Их не следовало бы пускать всюду» (с. 127).

⁴ См. об этом: **Кибальник С.А.** Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского (На материале романа «Игрок») // Русская литература. — 2013. — № 4.

⁵ **Тихомиров Б.Н.** Герои Достоевского в подполье и за рулеткой // **Достоевский Ф.М.** Записки из подполья. Игрок. — Статья и примеч. Б.Н. Тихомирова. — СПб., 2011. — С. 468.

⁶ «Образы людей, принадлежащих к разным нациям, — справедливо отмечает М.Н. Бойко, — даны в романе с предельной концентрацией характерности — как своего рода “сверхтипы” или, вернее, “архетипы”, ли-

шенные индивидуальности, без присущего Достоевскому разветвленного анализа их особой внутренней жизни. Они обрисованы так, как представляются человеку иного сознания — заведомо извне, а не изнутри» (**Бойко М.Н.** Художественная «география» Достоевского // Художественные проблемы русской культуры второй половины XIX века. — М.: Наука, 1994. — С. 11).

⁷ Ср. также в «Утраченных иллюзиях» Бальзака: «Ну, а ты, деточка, — сказал Фино красивой “поселянке”, слушавшей их разговор, — где ты похитила алмазные пуговицы, что у тебя в ушах? Обобрала индийского принца? — Нет, англичанина, фабриканта ваксы; он уже уехал!» (**Бальзак О. де** Собр. соч.: В 10 т. — М.: Художественная литература, 1983. — Т. 4. — С. 247).

⁸ По предположению А. Бема, «м-р Астлей является лишь творческим развитием пушкинского образа эпизодического англичанина, которому близкий родственник покойной графини во время ее похорон шепнул на ухо, что Германн “ее побочный сын”, на что “англичанин ответил холодно: Oh”» (**Бем А.** Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii.* — R. VIII. — Sešit 2. — 1929. — S. 305).

⁹ См. об этом: **Альми И.Л.** «Француз и русская барышня» — три стадии в развитии одного сюжета (Загоскин, Пушкин, Достоевский) // **Альми И.Л.** Статьи о поэзии и прозе. — Владимир, 1899. — Кн. 2. — С. 508—509.